

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5237.

Воскресенье, 11-го марта 1901 г.

№ 5237.

СВАТОВСТВО.

Болеслава Пруса *).

Для того, чтобы сдѣлать предложение, нужна такая же рѣшимость, какъ и на то, чтобы вырвать себѣ зубъ. Скажи себѣ: рву сегодня, черезъ часъ и basta! Черезъ часъ Анна дастъ тебѣ слово...

убѣждалъ стараго холостяка Джимальскаго его пріятель Недойдзевичъ.

— Она мнѣ откажетъ! — отчаянно говорилъ Джимальскій.

— Съ наслажденіемъ пойдемъ за тебя. Поздно уже перебирать жениховъ, когда скоро стукнетъ тридцать лѣтъ...

— Ну, Аннѣ уже перевалило за тридцать...

— Она во всякохъ случаяхъ гораздо моложе тебя. Я это хорошо знаю: она вѣдь родная сестра моей жены.

— Что объ этомъ толковать? Я сознаю, что она осчастливитъ меня, если согласится быть моею женою. Я ей не стою.

Недойдзевичъ вышелъ изъ себя.

— Ты ей стоишь! — воскликнулъ онъ, — выпьемъ еще по рюмочкѣ и пойдемъ дѣлать предложение...

— Какъ?.. сейчасъ?..

— Сию милу. Сдѣлать предложение все равно, что вырвать зубъ...

— Но вѣдь на мнѣ старій пиджакъ...

— Къ дактисту ты побѣжалъ-бы въ халатъ, если-бы пришлось плохо...

— Все-таки я долженъ подумать...

Недойдзевичъ поднялся съ дивана.

— Любишь ты Анну, или нѣтъ?

— Любовь къ ней отравила пятнадцать лучшихъ лѣтъ моей жизни...

— Ну и прекрасно!... Пью здоровье твоей невѣсты, сестры моей жены...

— Ты меня губишь!...

— Идемъ!...

Джимальскій схватился за ручку дивана.

— Дай же мнѣ хоть опомниться. Вѣдь я не наѣздникъ, чтобы мнѣ съ мѣста въ карьерѣ перескакивать черезъ такое препятствіе, какъ сватовство.

— Хорошо. Я выйду въ другую комнату и пришлю тебѣ сельтерской воды. Выпей и успокойся.

Недойдзевичъ вышелъ, а въ комнату минутой спустя вошелъ ресторанный служитель и молча поставилъ на столъ сифонъ.

Джимальскій выпилъ потомъ спросилъ себѣ простой воды и умылся.

— Охъ!... — воскликнулъ

пулъ онъ, — холодная вода дастъ человѣку смѣлость даже и для женитбы.

Въ дверяхъ стоялъ Недойдзевичъ.

— Надѣвай пальто.

Джимальскій одѣлся.

— Идемъ.

Вышли, сѣли на извозчика и немного погодя остановились у воротъ каменнаго дома.

— Подожди, — молилъ Джимальскій, — у меня будетъ ударъ...

— Здѣсь живетъ фельдшеръ,

Николай Павловичъ Боголюбъ, министръ народнаго просвѣщенія. † 2 марта 1901 г.

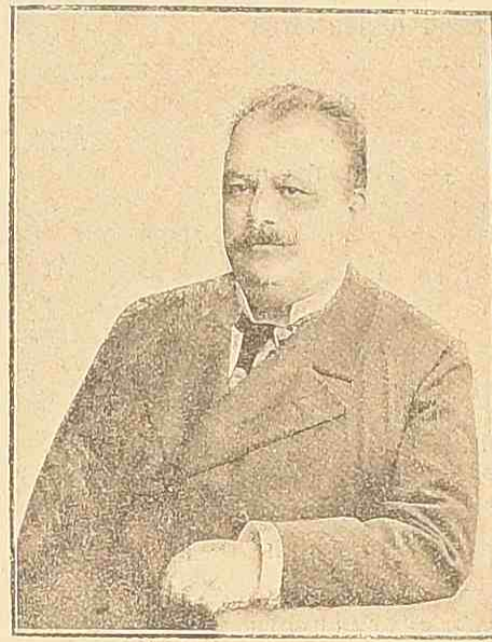
Александръ Павловичъ Амелъничій.

Варооломей Антоновчъ Дубининъ.

Самойло Исаановчъ Исаановчъ.

Вемистокль Степановчъ Калотти.

Василій Сильвестровчъ Кандинскій.

Исаакъ Степановчъ Суворовъ.

Симонъ Осиповичъ Фабричій.

Алексеѣй Ивановичъ Черепенниковъ.

Евгеній Генриховичъ Штапельбергъ.

Лица, избранныя въ гласныя одесской городской думы на четырехлѣтіе 1901—1905 г., въ третьемъ избирательномъ собраніи 2-го марта 1901 г.

онъ пустить тебѣ кровь.

Джимальскій упирается, но пріятель взялъ его за руку и всталъ на лѣстницу.

— Вотъ будетъ штука, если она согласится! — бормоталъ несчастный женихъ.

Недойдзевичъ позвонилъ. Въ ту же минуту дверь отворилась.

Въ передней Джимальскій почувствовалъ, что ноги у него подкашиваются. По счастью онъ взглянулъ въ зеркало и увидѣлъ въ немъ багровыя

пятна на своемъ лицѣ и синій носъ. Это вернуло ему духовное равновѣсіе.

— Ну, — подумалъ онъ, — предложеніе такого жениха не приметъ не только Анна, но даже и ея кухарка. У меня видъ горькаго пьяницы, и я, разумеется, получу отказъ — пятый по счету въ моей жизни.

Они вошли въ кабинетъ хозяина дома, худого и веселаго старичка, который принялъ ихъ очень радушно. Недойдзевичъ поцѣловалъ ему руку и сказалъ:

— Дорогой отецъ! буду говорить безъ предисловія: Джимальскій пришелъ просить у тебя руки Анны...

Несмотря на то, что Джимальскій хорошо владелъ собою, онъ такъ стремительно откинулся на спинку дивана, что ударился головою о стѣну.

Старикъ удивленно раскрылъ глаза и поднялъ руку вверхъ.

— Итакъ, отецъ, ты принимаешь предложеніе Джимальскаго? — спросилъ Недойдзевичъ.

— Я охотно... — началъ старичекъ... — Видите-ли, въ чемъ дѣло, — поправился онъ, — я занимаюсь дѣлами дома и очень желалъ-бы видѣть у себя пана Джимальскаго въ качествѣ квартиранта. Но захочетъ-ли Ануся имѣть его своимъ мужемъ, это ей дѣло.

— А она дома?

— О, разумеется, даже по всей вѣроятности подслушиваетъ насъ въ эту минуту.

— Ахъ, папа... — воскликнула панна Анна показавшись въ дверяхъ кабинета. Что подумаетъ обо мнѣ панъ Джимальскій?..

Недойдзевичъ посмотрѣлъ на нее, качая головою.

— Я знаю, что ты не подслушиваешь, — сказалъ онъ, — но я даю голову наотъѣченіе, что ты слышала весь нашъ разговоръ.

— Было-бы странно, если-бы я не слышала, — отвѣчала Анна. — Цѣлый день я сижу съ работою въ соседней комнатѣ, а вы такъ громко повѣряете другъ другу свои і секреты, что ихъ нельзя не слышать.

— Ну, и какъ-же?.. — спросилъ Недойдзевичъ.

— Что какъ-же?.. — холодно возразила панна Анна.

— Принимаешь ты предложеніе Юзефа? — Развѣ ты панъ Юзефъ?

Джимальскій поднялся съ дивана.

— Пани! — сказалъ онъ, — я молчалъ до сихъ поръ, потому что у меня не было смѣлости просить вашей руки. Теперь я скажу вамъ... но и теперь мнѣ не хватаетъ смѣлости... Осужденный на смерть не испытываетъ такихъ чувствъ при видѣ... Тутъ его голосъ оборвался, и онъ оста-

*) Переводъ „X. Г. В.“

новился съ открытымъ ртомъ, глядя на двѣушку.

— Благодаря вамъ за то, что вы хотѣли срывать меня съ палачемъ, но оставимъ это... Прежде всего здравствуйте,—сказала Анна и подала ему руку.

— Миѣ кажется, дорогіе мои,—вмѣшался Недодзевичъ,—что вы лучше поговорите безъ свидѣтелей. И поэтому оставьте меня здѣсь съ отцомъ, а сами перейдите въ другую комнату.

Анна вышла въ гостиную и, сѣвши у своего рабочаго стола, самымъ спокойнымъ образомъ принялась за работу. Джималскій въ сильномъ смущеніи сѣлъ противъ нея.

— Мы рѣдко видимся,—сказала двѣушка.

— Это для меня пріятный упрекъ. Но если вы миѣ позволите, то я постараюсь за свою оплошность въ этомъ отношеніи вознаградить...

— Кого?

— Прежде всего себя...

— А потомъ?..

— Разумѣется, изъ того, что я только что сказала, вытекаетъ „потомъ“. И такъ потомъ— снова себя.

— Да, вѣдь всѣ говорятъ, что въ васъ живетъ два человѣка. Хотѣлось бы миѣ знать, каковы ихъ отличительныя черты?

— Одинъ изъ нихъ тотъ, который познакомился съ вами пятнадцать лѣтъ назадъ: впечатлительный мечтатель. Другой—тотъ, который пятнадцать лѣтъ беззаботно любилъ васъ...

— И четыре раза дѣлалъ предложеніе четыремъ другимъ двѣушкамъ. Какого-же этого другого?

Артистъ Ю. М. Юрѣевъ.

— Остроумный, насмѣшливый, страстный.

— Въ любви несчастный.

— Позволяете замѣтить, что я хотѣлъ-бы всегда такъ легко подобрать рими, какъ вы сію минуту.

— Это очень льститъ моему самолюбию. Но развѣ вы пишете стихи?

— Увы, да. Всѣ мои стихи я посвящаю вамъ. А вы тоже, можетъ быть, писали когда-нибудь стихи?

— Увы, да.

— Я догадываюсь, что не я былъ ихъ героемъ.

— Я должна была бы восхитаться вашей скромностью, но, оставаясь откровенно, предпочтѣваю удивляться вашей догадливости.

— Ваши вѣдкіе отвѣты отнимаютъ у меня послѣднюю надежду.

— Ахъ, да, вѣдь вы хотѣли сдѣлать миѣ предложеніе. Что это вамъ вдругъ вздумалось?

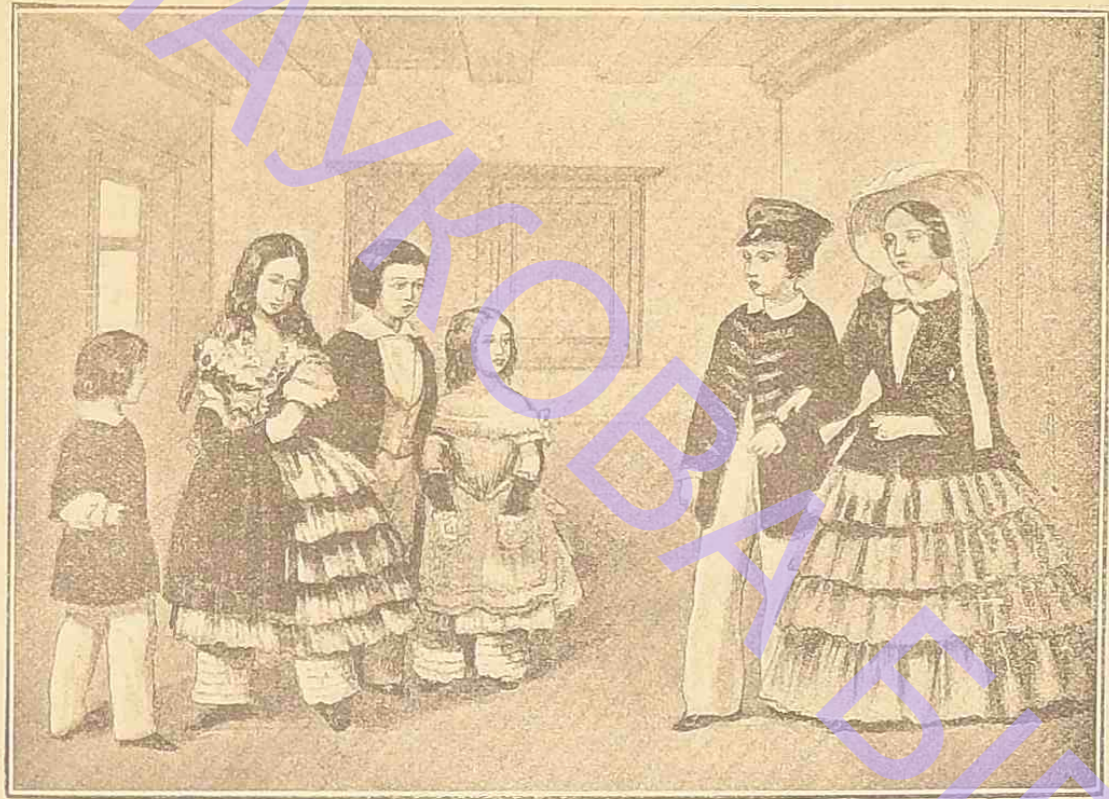
— Я уже имѣлъ счастье вамъ напомнить, что пятнадцать лѣтъ назадъ...

— Это я слышала. Переходимъ къ болѣе близкому времени.

— Хорошо. Сегодня меня встрѣтилъ въ Сакоускомъ саду вашъ зять...

— И сжалившись надъ сестрой своей жены, старой двѣюй, отъ имени просилъ вашей руки. Да?

— Боже сохрани! Миѣ съ нимъ старые пріятели, и поэтому ничего имѣть удивительнаго, что въ откровенной бесѣдѣ я разсказалъ ему о моихъ

Принцесса Шлеизингъ—Принцесса Алисса, дочь Герцога Эдинбургскаго Гольштейнскаго въ корону императрицы. Вѣнокъ королевы Виктории. Сынъ герцога Викторіи.

Собственнооручный рисунокъ королевы Виктории, исполненный въ 1853 г.

чувствахъ, а онъ...

— Пошелъ съ вами обѣдать въ рестораны. Тамъ, за бутылкою пива, сердца ваши забились быстрѣе, и вы

— Если-бы вы изъ своего разсказа исключили бѣдную насмѣшку, а ея мѣсто позволили занять чувству и поэзіи, то я согласился-бы съ вами.

— Поэзія? значитъ за обѣдомъ была не одна, а нѣсколько бутылочекъ?..И это угадала по настроенію моего зятя?

— Пани! Сотеръ такой невнятный шепотокъ, послѣ котораго я смѣло могъ-бы пойти на исполнѣнѣ...

— Ну, вы и пошли, сдѣлавши ошибку только... въ выборѣ исповѣдника... Вино, должно быть, не было крѣпко.

— Джималскій сдѣлалъ движеніе.

— Я знаю, сказалъ онъ, что я не стою вашей любви, но все-же мое чувство не заслуживаетъ, того чтобы его высмѣивали.

— Анна съ улыбой отодвинула рабочій столикъ.

— Хотите вы быть со мною откровеннымъ?—спросила она

— Я не умѣю быть инимъ.

— Куда вы пойдете отъ насъ?

— Гулять.

— А потомъ?

— Ужинать, а послѣ ужина играть въ вистъ. Насъ собирается одна и та же компанія: три старухи, холостякъ и одинъ вдовецъ, да и тотъ глухой.

— А если-бы я вамъ запретила идти ужинать, а потомъ играть въ вистъ?

— Я былъ-бы очень огорченъ, потому что моимъ партнерамъ пришлось-бы играть

Лидія Борисовна Яворская.

съ болваномъ.

— Я вижу, что вы говорите правду. Что-же вы дѣлаете послѣ виста?

— А утромъ?

— Кормлю своихъ капарескъ, читаю, а потомъ иду гулять и обѣдаю.

— Обѣдаете вы постоянно въ одномъ и томъ же ресторанѣ?

— Десять лѣтъ подъ рязь.

— А гуляете всегда по тѣмъ же самымъ аллеямъ?

— Да, тоже уже десять лѣтъ.

— Каждый-же вы думаете обо миѣ?

— Почти каждый, день когда гуляю въ Сакоускомъ саду.

— А изменили-бы вы для меня свой образъ жизни?

— Джималскій задумался.

— Это было-бы миѣ очень трудно. Я для этого слишкомъ старъ.

— Значитъ, не изменили бы?

— Вѣроятно, нѣтъ. Хотя, говорятъ, любовь дѣлаетъ чудеса.

— Что до меня касается, то я даже ради вашей любви не изменила бы своего образа жизни, а онъ нѣсколько не похожъ на вашъ.

— Минуту спустя двѣушка продолжала подниматься съ кресла.

— Я думаю, что вы теперь навсегда потеряете охоту свататься.

— Напротивъ. Если-бы я при первой своей неудачѣ встрѣтился съ такою остроумною женщиною, какъ вы, я дѣлалъ бы предложенія каждую недѣлю. А теперь я потрачу даромъ жизнь, не пользовавшись очень пріятнымъ развлеченіемъ.

— Въ эту ми-

Криликъ А. М. Сепельниковъ. Къ предстоящему 12-го марта концерту въ Одессѣ.

нуту какой человѣкъ говорить вашими устами?

— Увы, оба! Одинъ чувствуетъ себя несчастнымъ, а другой потѣшается надъ этимъ несчастьемъ, какъ умѣетъ.

— Когда полчаса спустя Джималскій встрѣтилъ въ Сакоускомъ саду одного знакомаго, тотъ остановилъ его.

— Что съ вами, панъ Джималскій? У васъ горятъ глаза, нездоровый цвѣтъ лица... Вы больны?

— Я слышалъ сегодня дѣвъ глупости за обѣдомъ пилъ плохой сотеръ, а послѣ обѣда повсталъ.

— О, второе значительно хуже первого.

— Не совѣмъ: отказъ я получилъ сейчасъ же послѣ предложенія, а вино дать себя чувствовать до сихъ поръ.

ИЛЛЮЗІЯ. Разсказъ Поля и Викторіи Маргеритъ

— Ну, а вы, Шаванъ,—обратился хозяинъ дома съ любезною усмѣшкой къ профессору,— все еще питаете иллюзіи?

Рвѣкій возгласъ барона Десюра заставилъ на мгновеніе смолкнуть разговоры сѣдвшихъ за обѣннымъ столомъ гостей. Всѣ стали выматательно прислушиваться, и тишина нарушилась только по-

Артистъ Х. О. Петровскій.

звнзкнваніемъ посуды и хрустала. Всѣ взоры обратились на Шавана. Достоинственный академикъ, прерванный хозяйномъ дома на одной изъ его блестящихъ фразъ, красотою и округлостью которой онъ наслаждался и самъ, мгновенно остановился къ великому неудовольствію своей сѣдыи, высокой, красивой рыжеватой блондинки въ очень декольтированномъ платьѣ; склонясь въ его сторону, она внимательно слушала его. Теперь же она выпрямилась и подергиваніемъ своего красиваго полнаго плеча приподняла правую эполетку норсажа, которая было совѣмъ спустилась; при этомъ движеніи крупный брильянтъ сверкнулъ въ ея розовомъ ушѣ. Жирная лоснящаяся физіономія профессора освѣтилась хитрою улыбой. Онъ обвелъ собесѣдниковъ насмѣшливымъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ глазъ и, обратясь къ Десюру, сказалъ:

— Видно по всему, другъ мой, что вы лауреатъ Шартрской школы, президентъ общества французскихъ палеографовъ и самъ палеографъ! У васъ вместо сердца—кусочекъ пылянаго и сухого пергамента!.. И вы спрашиваете, есть-ли у меня еще иллюзіи? Ну, конечно, есть. Есть, всегда есть и будутъ, къ моему величайшему удовольствію. Однѣ исчезаютъ, на мѣсто ихъ тотчасъ-же возникаютъ другія, (иѣ пререстанно возрождаются изъ своего пепла, подобно епнвсу, этой прекрасной пламенной птицы. И все это дѣлается помимо моей воли. Я только подчиняюсь общему закону. Кто изъ насъ

П. Наразеллозъ, новый министр-президентъ въ Болгаріи.

М. Даневъ, новый министр иностранныхъ дѣлъ въ Болгаріи.

Карлъ фонъ-Шумми-Гальбергъ, крупнѣйшій заводчикъ въ Германіи. † 8 марта 1901 г.

можетъ похвалиться, что не имѣетъ иллюзіи?.. Некая васъ, разумѣется, баронъ. Но всѣ прочіе люди, отъ перваго до послѣдняго, только и живутъ, что иллюзіями. Что такое въ нашихъ глазахъ сама правда, какъ не та же иллюзія—иллюзія личная, измѣнчивая, но непре-

станная?

— Подъ обаяніемъ задушевныхъ и вдумчивыхъ рвѣей профессора, въ которыхъ было немало чисто парижскаго юмора, собесѣдники молчаливо покачивали головами въ знакъ своего полаго съ нимъ согласія. Знаменитаго автора «Исторія и легенды саунна» всегда съ удовольствіемъ и благогоуіемъ. Шаванъ, краса и слава французской литературы, уже четверть вѣка служилъ украшеніемъ аристократическихъ салоновъ и былъ въ

черепахъ, указывая своимъ серебристымъ звономъ текущее время, Шаванъ, отвлеченный-было высокими, благообразными ласками, молчаливо и важно разоспавшимъ десертъ, началъ снова:

— И беру въ свидѣльницы madame Гурмо!

И онъ обратилъ къ ней свое крупное, жирное, съ стѣсненными щеками, лицо. Она вся просіяла, выпрямила свою пышную грудь подъ кружевнымъ корсажемъ. Равномерное дыханіе приподняло подъ кружевомъ ея тѣло, полное и нѣжное, какъ спѣлый плодъ. Брильянты сверкали въ ея рыжихъ волосахъ.

— Вы правы, дорогой учитель, вся наша жизнь—только одна иллюзія,—сказала она.

— И да здравствуютъ прекрасныя па-

дамы, предвдушая интересныя разсказы, съ заманчивыми минами и умоляющими взглядами наклонились въ сторону толстака-профессора.

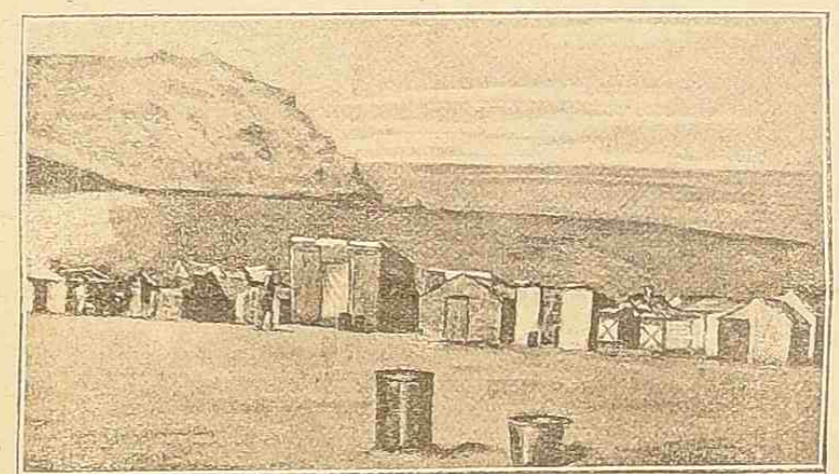
— Охотно, охотно—вздохнулъ онъ.—Исторія моя очень нравственна. При случаѣ можно извлечь изъ нея весьма поучительный разсказъ... Итакъ, вотъ онъ!

Мнѣ было тогда девятнадцать, можете, двадцать лѣтъ. Я только-что пріѣхалъ изъ провинціи, съ карманами, набитыми дипломами, съ благословеніемъ отца и безъ гроша денегъ. Я былъ лнчненъ, какъ годовой лекарь, и притомъ худъ, худъ!.. Нечего улыбаться, mesdames! Увѣряю васъ, что я былъ худъ. Десюру можетъ это засидѣтьствовать. Десюру знаетъ меня тогда, не правда ли, другъ мой?

ботой, позабывая, что у меня въ груди было молодое сердце, что существуетъ любовь, счастье, любовь!

Но вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ давно трепетавшая во мнѣ весна вдругъ пробудилась и расцвѣла. Стало ясно, уже не помню въздѣіе какаго чуда, что я, который обыкновенно нигдѣ не бывалъ, пошелъ въ театръ съ лучшими моимъ тогдашнимъ другомъ, Танкретомъ. Вы вѣдь его звали, Десюръ?... А что-то съ нимъ стало? Удивительно, какъ существованіе часто отдаленно и разлучаетъ людей!

Люди для насъ умирають тысячу разъ, прежде чѣмъ умереть въ дѣйствительности... Да, такъ я имѣлъ тогда съ Танкретомъ саунатъ «La Muta di Portici». И какъ сейчасъ вижу все это. Мы были на самомъ верху въ амбате-

„Виллы“ плѣнныхъ буровъ на о. св. Елены.

нихъ всегда желаннымъ, пріятнымъ гостемъ.

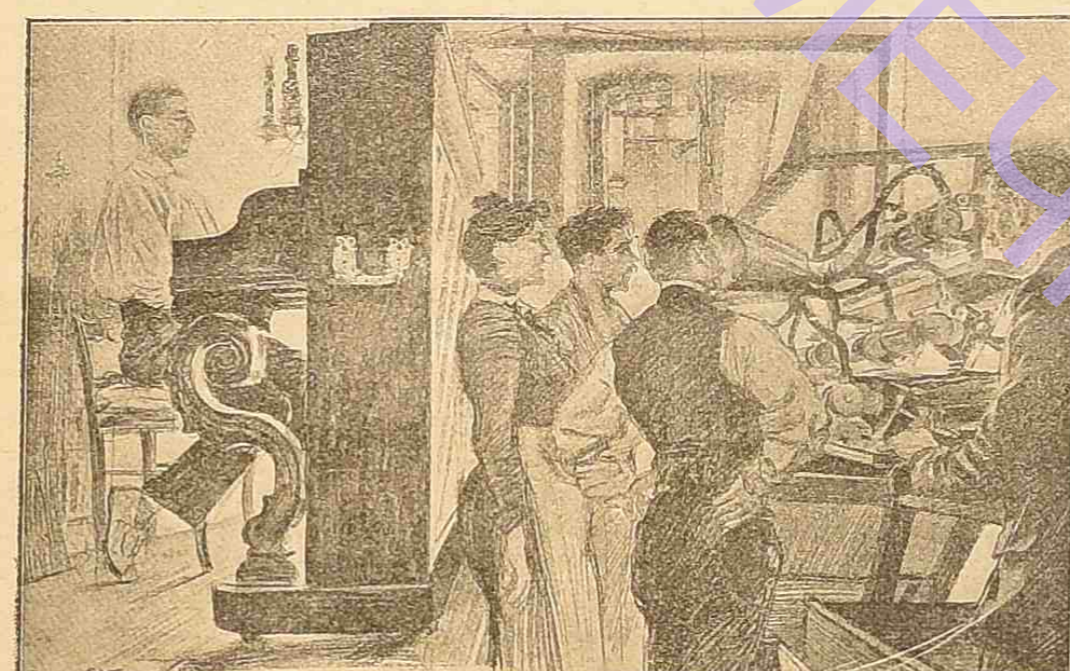
Хорошо было въ этотъ вечеръ въ столовой барона Десюра. Вокругъ ослѣпительной скатерти роскошно сервированнаго стола, прямо подъ серебристымъ баскетомъ электрической лампы, возвышался цѣлый спонъ душистыхъ розъ въ изящномъ хрустальномъ бокалѣ. Обѣдъ близился къ концу. Было тепло и пріятно въ этой прекрасной, обитой голубыми комнатахъ, тѣсно вселенныхъ десяти человѣкъ, тѣсно вселенныхъ старинною дружбой, десяти пылыхъ мужчинъ и прелестныхъ женщинъ, съ одинаковыми вусами, привычками, тонкимъ и разнообразнымъ умомъ. И въ то время, какъ роскошные стѣнные часы времени Людовика XIV, украшенные икрустациями изъ мѣди и

люзи!—прибавилъ Шаванъ, косясь на красивую шею и перламутровыя зубы madame Гурмо... (Ну, опять эта эполетка съжала!)—Въ особенности,—закончилъ онъ,—хорошо, когда иллюзіи сходятся съ дѣйствительностью. Что касается меня, то я никогда не забуду названной и прелестной иллюзіи моей юности. Много, много лѣтъ назадъ она скрасила мою молодость, она же теперь радуетъ мою старость, и я даже не могу сердиться на ту, которая уничтожила иллюзію моей первой любви.

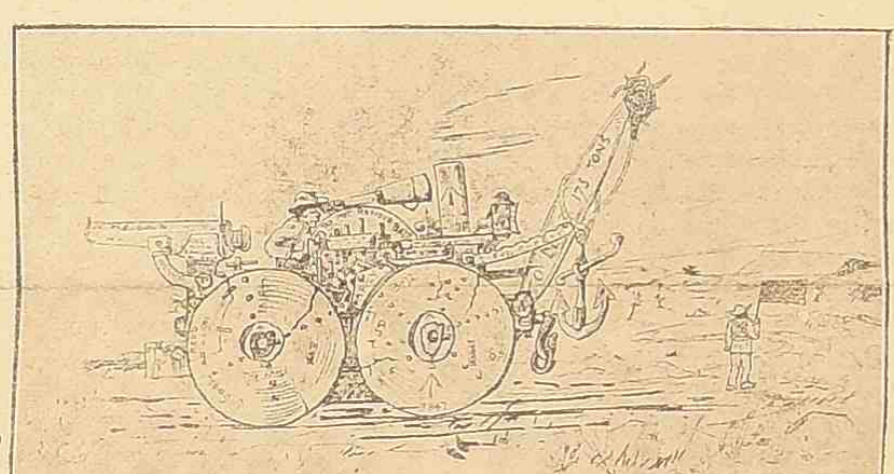
— Ну, разскажите же намъ это—попросилъ Десюръ.

— Ахъ, да, да, monsieur Шаванъ!—воскликнула madame Гурмо.

Въ радостномъ волненіи она опять зажала приподнять свою эполетку. И въ

Изготовленіе фонографовъ.—Воспроизведеніе „тріо“ изъ „Фауста“.

Аллегорическій рисунокъ Родіарда Киплинга, въ юмористическомъ илль символизирующій неудачную погоду английскихъ генераловъ за постоянно ускользающимъ отъ нихъ Деветомъ.

Баронъ кивнулъ въ знакъ согласія головой.

— Что дѣлать! Далекая воспоминанія прошлого не могодять вѣсь,—вздохнулъ, улыбаясь, толстакъ.—«Всего давно, давно прошло», какъ говоритъ поэтъ. Я тогда очень много работалъ, былъ настоящей библіотечною крысой, цѣлые дни рылся въ архивахъ, бумагахъ, рукописяхъ, перебирая старыя пергаменты. Старинныя библіотеки, собранія книгочеивовъ, уютныхъ вдоль набережной, были моимъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ. Голова моя была полна классиками и всевозможною философией. Жилъ я тогда въ четвертомъ этажѣ стариннаго великолѣпнаго заброшеннаго замка, конца семнадцатаго столѣтія, покрытаго пылевою и гильзою и превращеннаго въ жилище бѣдняковъ. Вотъ тамъ-то я и изволился за пререстанной ра-

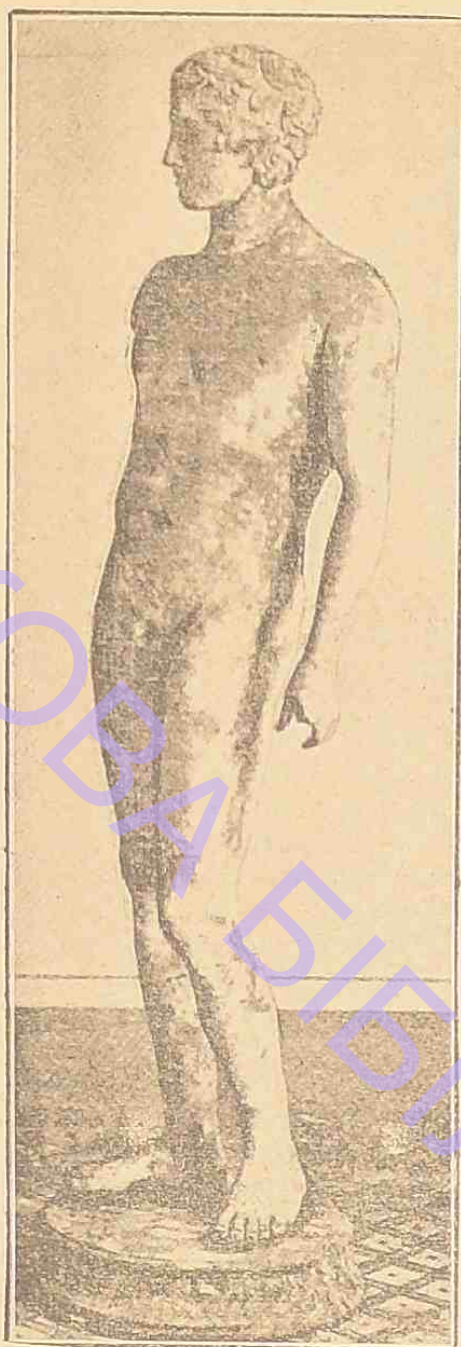
атрѣ; красная съ золотомъ зала необычайно блестяла подъ сверкающей люстрой; все это было для меня такъ ново. Я видѣлъ въ первый разъ все это великолѣпіе, всѣхъ этихъ молодыхъ прекрасныхъ, женщинъ, въ ихъ декольтированныхъ, свѣтлыхъ туалетахъ, сверкающихъ брильянтами. Послѣ уперторы знаевъ выписалъ, и вотъ изъ глубины сцены появились оруженное молодыми испанскими двѣушками и благородными неаполитанцами каеое-то божественное сознаніе, принцесса, что я говорю—ея! Она была воплощеніемъ любви и красоты!.. Вы помните вѣдь m-lle Талявокио, тогдашнюю знаменитость? Это была она въ роли Эльвиры. Сразу вся моя молодость встрепнулась и задрожала.

Я позабылъ все, всѣ свои работы, изученіи, позабылъ прошедшее, настоящее

Изготовленіе фонографовъ.—Воспроизведеніе оркестроваго помера.

*) Переводъ „Р. Вѣд.“

Бронзовая статуя, найденная недавно въ Помпѣѣ.

ридерами, натыкаясь на декорации, и еще издали уже увидалъ мое божество, какъ она царственно несла свой бѣлый атласный шлейфъ. Вдругъ раздался звонокъ на сцену! Меня то задерживали, то толкали впередъ, и вотъ вдругъ меня, ошеломленного, едва живого втолкнули на ослѣпительно освѣщенную сцену.

Фотографическій снимокъ съ куска льда.

И двинулся какъ автоматъ. Башмаки мучительно жали ноги. Я последовалъ за статистомъ, который шелъ передо мной. Вдругъ мы неподвижно остановились на ступеняхъ трона. Мнѣ казалось, что вся зрительная зала устремилась на меня. Я прямо держу мою алебарду, далеко выткнувъ руку впередъ. Эльвира, цѣтъ, кажется, Изабелла медленно подвигается ко мнѣ. Сердце мое готово было разорваться, такъ стучало оно. Наконецъ, я рѣшаюсь бросить на нее робкій взглядъ. Она садится на тронъ. Но что это? Цѣтъ, это не она! это не можетъ быть она! эта толстая женщина съ красными щеками и густымъ слоемъ жира на дряблой груди! Это только похожая на нее карикатура. Увы! прийдъ съдыхъ волосъ выбилась изъподъ золотистыхъ локоновъ парика!

И вотъ съ разбитымъ сердцемъ, полнымъ страшной горечи, я все-же долженъ былъ простоять неподвижно цѣлые четверть часа, которые мнѣ показались вѣчностью! Я не могъ понять, зачѣмъ стоялъ я тамъ, возлѣ этой старухи, которую никогда не любилъ, которую ненавидѣлъ теперь всеми силами души. Каска и латы терзали меня. Алебарда въсила сто кило. Руки мои буквально одеревѣли. Вотъ каковы образцы лишнися я, дорогая madame, моей первой иллюзии.

Разныя извѣстія.

Трагическія происшествія.

Въ австрийцѣ Пезонъ, находящемся въ настоящее время въ Парижѣ на

Boulevard de la Villette, 23 (10) февраля во время представленія произошелъ слѣдующій трагическій случай:

Укротитель животныхъ Генри Клодъ заставлялъ, между прочимъ, „работать“ пятилѣтнюю львицу Фаннъ, которая считается очень опасною и ранила уже много укротителей.

Заставивъ ее продѣлать нѣсколько упражненій и прыжковъ, Клодъ бросилъ свой кутокъ и желѣзную палку и сталъ на колѣни противъ львицы.

Въ эту минуту Фаннъ бросилась на укротителя и растерзала ему своими громадными когтями черепъ и лобъ.

При видѣ этого ужаснаго зрѣлища, зрители бросились съ крикомъ къ выходу.

Клодъ лежалъ съ обгареннымъ кровью лицомъ на полу, придавленный тяжестью львицы. Наконецъ онъ собрался съ силами, оттолкнулъ животное и поднялся на ноги.

Къ счастью, около клѣтки стоялъ другой укротитель Каррьеръ, которому удалось удержать львицу на мѣстѣ пока Клодъ не покинулъ клѣтки.

Его отнесли въ ближайшую аптеку, гдѣ ему перевязали двѣ большія раны на головѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ вернулся въ австриецъ и хотѣлъ продолжать: какъ ни въ чемъ не бывало, свои упражненія съ Фаннъ, но публика воспротивилась этому, и заставила его уступить свое мѣсто другому.

О подобномъ же случаѣ, окончившемся, однако, гораздо печальнѣе, сообщаютъ американскія газеты изъ Индианополиса.

15 февраля тамъ погибъ ужасною смертью 15 лѣтній сторожъ Альбертъ Нильсонъ, служившій въ городскомъ зоологическомъ саду сторожемъ молодыхъ львовъ.

Нильсонъ, намѣреваясь покормить маленькихъ львятъ, печально попалъ въ находящуюся рядомъ тигровую клѣтку. Находяшійся тамъ громадный бенгальскій тигръ немедленно со страшнымъ ревомъ бросился на несчастнаго и сбилъ его съ ногъ. Онъ началъ разрывать его тѣло на куски своими громадными лапами и уже готовился пожрать его живымъ, когда наконецъ явились помощь.

Нѣсколько сторожей прибѣжали съ раскаленнымъ желѣзомъ, которымъ стали отталкивать тигра, и наконецъ животное отступило отъ своей жертвы.

Бѣдный Нильсонъ доточился съ напряженіемъ послѣднихъ своихъ силъ до двери, гдѣ ему помогли выйти изъ клѣтки. Нѣсколько минутъ спустя онъ умеръ.

Все тѣло его было страшно растерзано зубами и когтями тигра.

Разрушеніе отъ бѣлыхъ муравьевъ.

Французскій миссіонеръ Лебуафъ помѣстилъ въ „Sambesi Mission Record“ описание опустошенія, производимыхъ бѣлыми муравьями или термитами въ африканской области Родезіи. Онъ пишетъ: нѣрѣдко случается, что колонія, возвращаясь съ работы домой, находитъ свой стуркокъ, повѣшенный на гвоздѣ въ его хижинѣ, и книги, лежащія на столѣ, совершенно изъѣденными, иногда до такой степени, что отъ нихъ не остается почти никакого слѣда. Но это еще не все. При пробужденіи утромъ онъ видитъ съ удивленіемъ конусообразный предметъ, возвышающійся близъ кровати устланномъ кирпичами полу, и имѣющій на верху два отверстия, подобно кратеру маленькаго вулкана. При ближайшемъ осмотрѣ оказывается, что отверстия имѣютъ какъ разъ форму и величину отверстія его сапогъ, поставленныхъ по неосторожности наканунѣ вечеромъ на полъ.

Модели шляпъ.

Послѣднія моды.

Сапоги эти послужили, такъ сказать, основой для муравейника, отъ нихъ-же самихъ не осталось ничего, кромѣ желѣзныхъ гвоздей. Подобнымъ-же образомъ разрушаются и все другія принадлежности костюма и всякіе предметы домашняго обихода, такъ что термиты являются настоящимъ бичемъ для жителей Родезіи.

Телефонъ, какъ источникъ заразы.

Тамъ, гдѣ телефономъ пользуются многие, вполне возможно зараженіе черезъ ихъ посредство. Стоитъ больному приложить къ уху телефонную трубку для того, чтобы на ней осталась ядь, который легко можетъ быть переданъ другому. Къ тому-же, въ крупныхъ центрахъ имѣются публичныя телефонныя станціи, предназначенныя для общаго пользованія и на этихъ именно станціяхъ опасность зараженія особенно велика. Обязательство это не на шутку тревожитъ людей, обязанныхъ заботиться о народномъ здравіи, а французскій министръ почтъ и телеграфовъ созвалъ даже недавно коммисію для рѣшенія вопроса, опасны-ли телефоны, въ указанномъ смыслѣ, а если опасны, то какія должны быть приняты мѣры? Коммисія пришла къ заключенію, что случаи зараженія черезъ посредство телефоновъ еще не произошло, но что для предупрежденія возможныхъ зараженій, на дальнѣйшее время достаточно послѣ каждого раза обрызгать трубку легкимъ растворомъ сулемы. Въ Германіи давно уже практикуется обтираніе этого рода. Въ Россіи, гдѣ телефоны введены очень недавно и не успѣли еще привиться въ такой степени, какъ заграничною, телефонныя трубки оставляются безъ особаго ухода. Но ясно, что по мѣрѣ завоеванія ими полнаго гражданства, порядокъ этотъ установится и у насъ.

Рѣшеніе ребуса будетъ приведено въ слѣдующемъ иллюстрированномъ приложеніи. Имена приславшихъ вѣрное рѣшеніе будутъ напечатаны.

Ребусъ № 38.

